

УДК: 81'42; 81:39

О. В. Орлова, Е. Ю. Сластина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФОСФЕРЫ: ТВОРЧЕСТВО ТОМСКОГО РОК-ПОЭТА В. ШЕСТАКОВА В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРЫ СИБИРСКОГО ПАНКА¹

С целью описания лингвокультурного своеобразия региональной инфосферы рассматривается творчество лидера томского рока конца 1980-х – начала 1990-х гг. В Шестакова. Дискурс поэта осмыслен в аспекте отражения в нем субкультуры сибирского панка. Зародившись в перестроечные годы, сибирский панк запечатлел в поэтических текстах собственное трагическое видение социальной реальности СССР переходного периода и четко обозначил протест не только против официальной идеологии, но и против абсурдности мироустройства в целом. Ярким примером томской версии сибирского панка стало творчество группы «Дети Обруба» и ее лидера Виктора Шестакова, в поэзии которого воплотились такие черты, как *гипертрофированные нигилизм, пессимизм, нонконформизм, а также острая социальная направленность. Эти черты, свойственные субкультуре сибирского панка в целом, обретают оригинальное преломление в своеобразной системе символов и образов, присущих идиостилю творческой языковой личности томского рок-поэта.*

Ключевые слова: региональная инфосфера, творческая языковая личность, субкультура сибирского панка.

Современная лингвокультурология отличается возрастающим интересом не только к различным формам воплощения национальных культур в языке, но и к функциональным вариантам, прежде всего – региональным и субкультурным, русской лингвокультуры [1–5]. Проект, в рамках которого выполнена данная работа, нацелен на выявление лингвокультурного своеобразия томской инфосферы посредством изучения дискурсов творческих языковых личностей региона – писателей, поэтов, журналистов, паралитераторов и т. д. Одним из исходных положений исследования является тезис о том, что специфика воплощения в текстах томских художников слова модусов региональной причастности всегда будет включать в себя маркеры субкультурной самоидентификации творца.

В период конца 1980-х – начала 1990-х гг. одной из мощных субкультур, служивших духовной опорой и комфортной коммуникативной средой для оппозиционно настроенной молодежи Томска, была рок-культура вообще и панк-рок-культура в частности. Панк как заметное явление отечественной постсоветской контркультуры, главные «объекты отрицания» которой – «массовая культура и „узурпированный“ технократией рационализм как мировоззренческая основа бытия человека» [6, с. 167], социологи и культурологи относят к анархо-нигилистическим субкультурам, демонстрирующим открытый социальный протест [6–8]. На странице под заголовком «Панк – это...», размещенной на портале punkway.ru, дается следующее определение панка: «это контркультура... особенностью которой является любовь к быстрой и энергичной рок-музыке (панк-року) и свободе, протест против истеблишмента, консерватизма, ав-

торитаризма, национализма и радикального капитализма, а также приверженность идеалам антирасизма и антифашизма».

Несмотря на то, что роль языкового фактора в формировании и развитии субкультур только начинает осмысляться, субкультуру панка, впрочем, как и другие течения русского рока, в целом отличающегося пристальным вниманием к поэтическому слову, можно отнести к лингвопродуцирующим. На лингвопродуцирующие и лингворепродуцирующие подразделяет различные субкультуры В. К. Андреев, отмечая, что первые «ориентированы на создание текста», вторые – «в меньшей степени ориентированы на язык» и «воспроизводят отдельные элементы какого-либо языка, связанного с субкультурной идеей: языка художественного произведения, определенной культурной сферы, „языка“ животных» [3, с. 93]. Думается, что слова Т. В. Шмелевой и ее соавтора, объявляющих рэп «новой формой языкового существования, в которой активность, креативность выступает как культурообразующий момент» [1, с. 437], можно справедливо отнести к рок-творчеству в целом и к панк-поэзии в частности.

Особым явлением рок-контркультуры конца 1980-х становится сибирский панк, «отличительная черта которого – грязная, шумовая музыка, антитоталитарные, социальные тексты с философским уклоном. В идеологии был заложен протест против советского общества, навязывания рабского способа мышления, ложных морально-этических норм, взаимоотношений в обществе» [9]. Считается, что по сравнению с другими региональными версиями сибирский панк «был наиболее политизированным и открыто направленным против

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект 14-14-70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

тоталитарной системы» [10]. Зародившись в перестроечные годы, сибирский панк запечатлел в поэтических текстах собственное трагическое видение социальной реальности СССР переходного периода и четко обозначил протест не только против официальной идеологии, но и против абсурдности мироустройства в целом.

Ярким примером томской версии сибирского панка стало творчество группы «Дети Обруба» и ее лидера Виктора Шестакова, в поэзии которого воплотились такие характерные черты панк-культуры, как тотальный негативизм и социальный нигилизм. Так, песня «Хорони меня в свежей могиле» начинается с шокирующей фразы *Все, что мы звали любовью / Всего лишь тотальный ржавый крест...* Автор текста дает слушателю и читателю установку на негативное отношение к действительности, в которой он живет. Обратимся к толкованию слова *крест*: «крест – предмет христианского культа, представляющий собою длинный вертикальный стержень с поперечной перекладиной в верхней половине, на котором – по евангельскому преданию – был распят Иисус Христос» [11]. Актуализация сакральной семантики в сочетании *тотальный ржавый крест* приобретает особое значение: все святое, что есть у людей в СССР, превратилось, по мнению автора, в нечто испорченное, подвергнутое коррозии, приводящее к гибели и при этом имеющее всеобъемлющий тотальный характер. Также в этом тексте автор обращается к себе: «Я – декорация сумасшедшего фильма, / Впавший в детство глухой старикан, / И пытаюсь все разложить по порядку, / Забыв, что мама порядка – Анархия!». Панк-музыкант осознает абсурдность происходящего, понимает, что его стремление найти в нем хоть что-нибудь упорядоченное, закономерное – всего лишь глупые надежды и сожаления. В сложившейся ситуации «перестройки», когда все, ранее считавшееся упорядоченным и стабильным, расшатано и разрушено, музыкант не видит ни капли разумного, действительность его угнетает, он отвергает ее.

Неприятие несправедливой и испорченной власти – важная составляющая восприятия панк-рокерами действительности перестроечной эпохи, прослеживается в творчестве В. Шестакова в текстах песен «Желтый цвет измены» и «Одеревенение». Остановимся на данных текстах подробнее.

В песне «Желтый – цвет измены» автор строк все окрашивает в желтый. В работе «Восприятие цвета в произведениях изобразительного искусства» Н. А. Карева отмечает, что желтый цвет – это цвет одежды Иуды, следовательно, он служит знаком предательства и измены [12]. Окрашивая весь мир в желтый, поэт подчеркивает, что все окружающее, как природное (времена года: *желтая зима,*

желтая весна), так и социальное (*желтые билеты, желтые суды*), есть нечто болезненно трансформированное, измененное и изменившее всем истинным жизненным принципам и ценностям.

Данный текст является рефлексией поэта на происходящее в стране в эпоху перестройки. Как известно, основным символическим цветом в СССР был красный – цвет свободы, борьбы, крови, жизни. Однако автор песни «Желтый цвет измены» с помощью многократного повтора и анафоры акцентирует внимание слушателя и читателя на изменении мирознания и поведения советского общества. В этом отношении важно последнее четверостишие песни: *Вороны летать в небесах перестали / И звездочки с башен кремлевских упали / Любители красок из них повывлазят – / Согласно инструкции нас всех перекрасят.* Данный фрагмент очень емко и образно демонстрирует авторское понимание сущности происходящей в стране перестройки: падение *звездочек* – символа СССР и Коммунистической партии – означает близящийся крах Советского Союза, а *любители красок*, которые *вылазят из башен* и всех перекрашивают из красного цвета в желтый, это властители, которые делали то, что им указано в инструкциях – планах реформ, разработанных для достижения главной цели – построения так называемого «социализма с человеческим лицом». С помощью повторов и использования символов солист показывает свое пессимистическое видение результатов перестроечных реформ.

Также интересной в плане интерпретации В. Шестаковым темы взаимоотношений власти и общества представляется песня «Одеревенение». Сама песня посвящена характеристике советского народа, его «одеревенению»: люди, по мнению автора песни, потеряли всяческую способность к сопротивлению, они превратились в дерево, которое с легкостью можно срубить и повалить. Советские люди в понимании В. Шестакова – *это блаженные страдальцы с подшитыми судьбами, / заранее мертвые кверху лапами.* Поэт подчеркивает обреченность и покорность общества, безысходность его положения, а также внутреннее духовное омертвление, одеревенение человека в припеве: *Одеревенение. Всенародное одеревенение.* Текст изобилует лексемами, в которых преобладает взрывной переднеязычный звук [т] и звуковое сочетание [ст] (*блестящие, пластилин, сладостные, страдальцы* и др.). Воздействие аллитерации усиливается звуковыми эффектами, имитирующими стук по деревянной поверхности.

В тексте песни «Одеревенение» поэт снова в отрицательном ключе характеризует власть. Представители власти для него – это *нафталиновые туши.* Данная метафора, как и в случае с одереве-

нелыми людьми, означает внутреннюю опустошенность и омертвление, приверженность отжившим ценностям и стереотипам: сама «оболочка» людей, находящихся у власти, не дает хоть чему-нибудь чистому, светлому, жизнеспособному развиться в них.

Семантика одеревенения подкрепляется с помощью актуализации мотива неподвижности. Этот мотив прослеживается как по отношению к наделенным властью политикам (*к креслу прикручены*), так и по отношению к народу, свобода которого представляется *в виде флюгера*: здесь мнимая подвижность предстает в образе пустого, бесполезного вращения на месте. Смыслы неподвижности, одереवनения, покорности, бездеятельности пронизывают весь текст. Автор завершает песню следующими словами: *Любым трижды новым по-*

становлением / Ты не расколешь / ... всенародного одереवनения. Сочетание трижды новым – еще одно свидетельство восприятия перестроечной эпохи как некоего ступора, отсутствия прогресса, хоть какого-нибудь позитивного движения. Все новое в конце 1980-х годов воспринималось панк-музыкантом как несколько раз повторенное старое, «приевшееся». При этом это «старое новое» абсолютно не жизнеспособно, оно не расколется всенародного одереवनения.

Как видим, гипертрофированные нигилизм, пессимизм, нонконформизм, а также острая социальная направленность, свойственные субкультуре сибирского панка в целом, обретают в творчестве В Шестакова оригинальное преломление в своеобразной системе символов и образов, присущих идиостилю творческой языковой личности.

Список литературы

1. Карпушкин В. Г., Шмелева Т. В. Рэп как новая форма языкового существования в славянском мире // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 423–437.
2. Шевченко О. В. Молодежная субкультура как объект лингвокультурологических исследований // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 241–248.
3. Андреев В. К. Лингвистические параметры типологизации современных молодежных субкультур // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкозн. 2011. № 1. С. 92–98.
4. Павлова Д. С. Субкультура моделистов работы органов ООН: вербальные и невербальные средства коммуникации // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 86–89.
5. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта *нефть* в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 232–236.
6. Воронина С. А. Роль прессы в трансформативном воздействии молодежных субкультур на массовую культуру современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2002. 186 с.
7. Аксютин О. А. Панк-культура как феномен молодежной контркультуры в постсоветском пространстве // Современные трансформации российской культуры. М.: Наука, 2005. С. 564–603.
8. Куликова М. Всегда против // Огонек. 2005. № 10. С. 46–47.
9. Сибирский панк. URL: <http://poiskm.biz.ua/genre/siberian%20punk> (дата обращения: 01.05.2014).
10. Сидельников А. Зарождение панк-культуры в СССР. URL: http://diletant.ru/articles/5144022/?sphrase_id=394733 (дата обращения: 01.05.2014).
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: http://efremova.info/word/krest.html#.U8qkXPI_s24 (дата обращения: 01.05.2014).
12. Карева Н. А. Восприятие цвета в произведениях изобразительного искусства: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 185 с.

Орлова О. В., доктор филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Сластина Е. Ю., студентка III курса.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: lenko1994s@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21.08.2014.

O. V. Orlova, E. Ju. Slastina

LINGVO-CULTURAL ORIGINALITY OF THE REGIONAL INFOSFERE: CREATIVE WORKS OF TOMSK ROCK-POET V. SHESTAKOV IN THE CONTEXT OF THE SIBERIAN PUNK SUBCULTURE

The creative works of the Tomsk rock leader of the late 1980s – early 1990s V. Shestakov are considered in the given article in order to describe the lingvo-cultural originality of the regional infosfer. The poet's discourse is seen in the aspect of the reflection of Siberian punk subculture in it. Born in the years of perestroika, the Siberian punk embodied in poetic texts own tragic vision of the social reality of the USSR in transition and clearly outlined protest not only against the official ideology, but also against the absurdity of the world order as a whole. A striking example of Tomsk Siberian punk version was the creation of the group "Children of Obrub" and its leader Viktor Shestakov, in whose poetry such traits as hypertrophic nihilism, pessimism, nonconformism, and acute social orientation are embodied. These features are characteristic of Siberian punk subculture as a whole, they originally refracted in a peculiar system of symbols and images inherent idiostyle of creative language personality of Tomsk rock poet.

Key words: *regional infosphere, creative linguistic personality, Siberian punk subculture.*

References

1. Karpushkin V. G., Shmeleva T. V. Rap as a new form of language existence in the Slavic world. *Slavic languages: units, categories, value constants*. Volgograd, 2009. Pp. 423–437 (in Russian).
2. Shevchenko O. V. Subculture as an object of linguo-cultural research. *Proceedings of Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen*, 2009, no. 114, pp. 241–248 (in Russian).
3. Andreev V. K. Linguistic parameters of typology of modern youth subcultures. *Bulletin of Volgograd State University, Linguistics*, 2011, no. 1, pp. 92–98 (in Russian).
4. Pavlova D. S. Subculture of modelers of work of UN bodies: verbal and nonverbal communication. *Socio- and psycholinguistic research*, 2013, issue 1, pp. 86–89 (in Russian).
5. Orlova O. V. Specificity of realization of media concept *oil* in the discourse of the small print press of the Tomsk region (on the newspaper example "The Narymsky bulletin". *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 232–236 (in Russian).
6. Voronina S. A. *Role of the press in the transformative impact of youth subcultures on popular culture of contemporary Russian society*. Dis. cand. sociol. sci. Barnaul, 2002. 186 p. (in Russian).
7. Aksyutina O. A. Punk culture as a phenomenon of youth counterculture of the former Soviet Union. *Modern transformation of the Russian culture*. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 564–603 (in Russian).
8. Kulikova M. Always against. *Ogonek*, 2005, no. 10, pp. 46–47 (in Russian).
9. *Siberian punk*. URL: <http://poiskm.biz.ua/genre/siberian%20punk> (Accessed: 1 May 2014) (in Russian).
10. Sidel'nikov A. *The birth of punk-culture in the USSR*. URL: http://diletant.ru/articles/5144022/?sphrase_id=394733 (Accessed: 1 May 2014) (in Russian).
11. Efremova T. F. *New Russian Dictionary. Explanatory-derivation*. Moscow, Russkiy yazik Publ., 2000. URL: http://efremova.info/word/krest.html#U8qkXPI_s24 (Accessed: 1 May 2014) (in Russian).
12. Kareva N. A. *Color perception in the works of art*. Dis. cand. philos. sci. Moscow, 2004. 185 p. (in Russian).

Orlova O. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Slastina E. Ju.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: lenko1994s@mail.ru